

3. Испанское либертарное движение

Политическое течение в Испании, поддерживавшее идеи анархизма и анархо-синдикализма, и до, и во время Гражданской войны состояло из нескольких разных организаций. Эти группы играли каждая свою собственную роль, имели более или менее различающиеся идеологии и пользовались разной степенью народной поддержки как до, так и после 18-19 июля 1936 г.

Массовой организацией испанского анархизма была Национальная конфедерация труда (НКТ). Она была старейшей частью движения и являлась профсоюзной организацией, особенно сильной в Каталонии – одном из двух главных центров испанской промышленности, но также имела последователей среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих Андалусии, Мурсии и Эстремадуры, как и среди промышленных рабочих и крестьян Арагона, Астурии, Леванта и некоторых других частей Испании. После установления Второй республики в апреле 1931 г. она стремительно набирала силу в Центре, то есть в Мадриде и Новой Кастилии, которые были главным оплотом социалистов.

Вторым по времени возникновения элементом в испанском анархизме была Федерация анархистов Иберии (ФАИ). Как показывает её название, это была анархическая идеологическая группа. Она не согласилась бы с определением «политическое», хотя фактически это – корректная классификация данной организации. Во время Гражданской войны ФАИ, по сути, приняла организационную форму политической партии, и возможно, если бы конфликт закончился иначе, она в итоге стала бы анархической партией, какой бы неестественной ни могла показаться эта идея на первый взгляд.

Третьей составляющей испанского либертарного движения была «Либертарная молодёжь» (ФИХЛ). Во время Гражданской войны она была официально признана частью либертарного движения и играла важную роль, представляя альтернативу прокоммунистической «Объединённой социалистической молодёжи» (ОСМ) в лоялистской Испании.

В-четвёртых, были «Свободные женщины». Эта организация, образованная после начала Гражданской войны, стремилась объединить испанских женщин в анархическом движении для защиты дела Революции и Республики. В отличие от трёх предыдущих групп, «Свободные женщины» никогда в полной мере не признавались составной частью либертарного движения.

В-пятых, была «Международная антифашистская солидарность» (СИА), также созданная после начала войны, как вспомогательная и пропагандистская группа для всего движения в целом.

Наконец, существовало много местных групп, которые были неотъемлемой частью либертарного движения, но не были организованы в национальном или даже региональном масштабе. К ним относилось большое число атенеев (ateneos) – местных групп, которые по преимуществу были центрами обучения взрослых, но также проводили дебаты и дискуссии на темы, представлявшие интерес для анархического движения. Они являлись атрибутом движения практически с самого его зарождения. Существовали также местные кооперативы и общества взаимопомощи, в которых принимали участие анархисты.

Перед тем как продолжить обсуждение либертарной революции, развернувшейся на значительной части Испании в начале Гражданской войны, и дальнейшей судьбы этой революции, для нас важно получить хотя бы некоторое представление о природе и развитии групп, составлявших либертарное движение. Остальная часть главы будет посвящена этому предмету.

Испанский анархизм XIX века

Зарождение испанского рабочего движения относится к 1830-м–1840-м гг. Первая всеобщая забастовка страны была проведена в мае – июне 1855 г. в Барселоне, в ответ на введённый гражданским губернатором запрет на стачки и локауты, что открыло долгую историю взаимной неприязни между рабочим движением Каталонии и гражданскими и военными властями региона¹.

Начало распространения анархо-синдикалистских идей в Испании обычно связывается с именем Джузеппе Фанелли, отправленного на полуостров в 1868 г. Михаилом Бакуниным, уже вовлечённым в борьбу с Карлом Марксом в Первом Интернационале. При его более или менее непосредственном участии в Мадриде был создан комитет Международного товарищества рабочих, одним из основателей которого был Ансельмо Лоренсо, впоследствии ставший одним из главных представителей и теоретиков испанского анархизма. Эта организация в итоге стала Испанской региональной рабочей федерацией (ФОРЭ) и присоединилась к бакунинской фракции Первого Интернационала².

Испанская региональная рабочая федерация просуществовала сравнительно недолго. Она провела две конференции в 1872 г. На второй из них, проходившей в декабре, согласно докладом, было представлено 849 местных групп³. Пять лет спустя сообщалось, что в составе ФОРЭ насчитывается 5 окружных и 73 местных федерации⁴. Согласно Гастону Левалю, Испанская секция на 1871–72 гг. имела «лучшую организацию среди всех секций Первого Интернационала»⁵.

В период Первой республики, продолжавшийся с февраля 1873 г. по январь 1874 г., ФОРЭ достигла апогея своего влияния. К концу 1873 г., по оценкам, она имела от 50 до 60 тысяч членов, плативших взносы, и, возможно, до 300 тысяч сторонников, считавших себя принадлежащими к организации, даже при том что они не платили взносы регулярно.

Анархо-синдикалисты участвовали в серии Кантональных восстаний, потрясавших недолговечную Первую республику. В ходе них контроль над сёлами, малыми и большими

городами в разных частях страны захватывали группы рабочих и крестьян, которые создавали местные революционные хунты и затем конфисковывали церковное имущество, облагали налогами богатых и даже распределяли землю среди безземельных сельскохозяйственных рабочих. Все эти восстания были подавлены к моменту падения Первой республики⁷.

С реставрацией монархии Бурбонов под властью Альфонсо XII в 1874 г. ФОРЭ ушла в глубокое подполье и по большей части рассеялась. Она подверглась жестоким преследованиям со стороны правительства, но также пострадала из-за антиправительственных организаций, самой известной среди которых была «Чёрная рука»⁸.

Только в 1880 г. движение возродилось как Федерация трудящихся Испанского региона (ФТИР). Она провела два очередных конгресса, в Барселоне в 1881 г. и в Севилье в 1882 г.⁹ На форуме 1881 г., как сообщалось, присутствовало 140 делегатов, из которых 110 проголосовали за «анархизм как свой идеал»¹⁰. Наибольшее число представленных групп действовало в Андалусии, несколько меньше было их в Каталонии и заметно меньше – в Валенсии¹¹.

Возрождение движения в 1880-е гг. было отмечено острой борьбой между коллективистами, базировавшимися в Каталонии, которые были профсоюзными активистами и последователями Бакунина, и анархо-коммунистами, особенно сильными среди неграмотных крестьян Андалусии, которые вдохновлялись идеями Кропоткина и итальянского анархиста Малатесты, посетившего Испанию в 1892 г. Первые верили в сильное рабочее движение, которое должно было стать и средством революционного свержения власти посредством всеобщей стачки, и основой послереволюционной организации общества. Вторые поощряли стихийные восстания при каждой удобной возможности и прибегали к индивидуальному террору против представителей власти. Борьба между этими двумя группами стала главной причиной роспуска ФТИР на её последнем конгрессе в Валенсии в октябре 1888 г.¹² Эти две тенденции внутри испанского анархизма, появившиеся в 1880-е гг., продолжали существовать в изменённых формах следующие полвека.

Хуан Гомес Касас очертил эволюцию испанского анархизма в двадцатилетие, предшествовавшее созданию Национальной конфедерации труда: «После периода дезинтеграции Федерация трудящихся Испанского региона исчезла, и на смену ей пришла Анархическая организация Испанского региона... Эта организация затем, в 1890 г., преобразовалась в Пакт союза и солидарности, который, в свою очередь, был распущен в 1896 г. из-за введения репрессивного законодательства против анархизма и распался на множество кружков и независимых рабочих обществ... Разрозненные останки Федерации в 1907 г. дали начало “Рабочей солидарности” (Solidaridad Obrera) в Каталонии, непосредственному предшественнику Национальной конфедерации труда»¹³.

Перед появлением НКТ должно было произойти ещё одно важное событие. Это была Трагическая неделя в конце июля 1909 г. Так называли серию демонстраций и восстаний в Барселоне, спровоцированных набором призывников на нескончаемую войну в Марокко¹⁴. Правительство обвинило в беспорядках анархические элементы города. Через несколько

месяцев после их окончания Франсиско Феррер Гуардия, один из самых значительных интеллектуалов, связанных с анархическим движением, и основатель ряда передовых школ в разных частях Каталонии, был казнён властями как ответственный за Трагическую неделю¹⁵.

Образование Национальной конфедерации труда

Массовая организация испанского либертарного движения, Национальная конфедерация труда (НКТ), была основана на конгрессе в Барселоне, проходившем 30 октября – 1 ноября 1910 г. Форум был созван «Рабочей солидарностью», каталонской организацией трудящихся, которая была создана несколькими годами ранее; это был второй конгресс «Рабочей солидарности» и учредительный конгресс НКТ. Среди тех, кто сыграл главную роль в организации съезда, был старый анархист и профсоюзный деятель Ансельмо Лоренсо, хотя он не принимал фактического участия в заседаниях, вместо этого отправив приветственное письмо¹⁶.

Делегаты представляли не только разные районы Каталонии, но также Сарагосу, Хихон (Астурия), Валенсию, Алькой, Мурсию, Малагу, Севилью, Альхесирас, Пальма-де-Мальорку, Ла-Корунью (Галисия) и другие города. Адольфо Буэсо называет имена и организационную принадлежность 96 делегатов¹⁷. Лишь три из них представляли союзы сельских рабочих¹⁸.

После оживлённых дискуссий было решено создать новую национальную рабочую организацию и, после дальнейшего обсуждения, её согласились назвать Национальной конфедерацией труда. Ни одно из решений не было единогласным; были делегаты, принадлежавшие к Социалистической партии, которые доказывали, что нет необходимости в новой центральной рабочей организации, так как уже существует социалистический Всеобщий союз трудящихся (ВСТ), и призывали «Рабочую солидарность» присоединиться к нему в качестве его каталонского отделения¹⁹. Но при голосовании 84 делегата высказались в пользу создания новой организации, 14 были против и трое воздержались. Кроме того, некоторые из присутствовавших считали, что новое объединение следует именовать «федерацией», а не «конфедерацией», хотя в итоге по вопросу названия новой организации, по-видимому, был достигнут консенсус²⁰.

Учредительный конгресс НКТ поддержал узкопрофессиональные союзы как наиболее предпочтительную форму организации. Однако, не ограничившись этим, он высказался за создание национальных федераций таких групп²¹.

Антиинтеллектуальный уклон многих рабочих, делегированных на учредительный конгресс НКТ, отразила внесённая резолюция, которая заявляла, что «только работники ручного труда действительно заинтересованы в отмене всех привилегий, всей эксплуатации и всех форм угнетения» и могут состоять в организации. Однако данная резолюция не была одобрена делегатами²².

Была принята отдельная резолюция по проблемам работниц. Она протестовала против того, чтобы женщины принуждались к работе, «превосходящей их физические силы», но решительно поддерживала идею участия женщин в трудовом процессе и призывала направить усилия на привлечение их в ряды НКТ. В ходе обсуждения этого вопроса несколько делегатов осудили эксплуатацию жён их мужьями²³.

Долго обсуждалась целесообразность всеобщей стачки. Принятая резолюция объявляла, что всеобщая стачка должна быть «революционной по существу» и проводиться в национальном охвате. При этом оговаривалось, что в определённых обстоятельствах рабочие могут быть вынуждены объявить всеобщую стачку на местном или региональном уровне с целями, далёкими от полной революции.

Наконец, учредительный конгресс согласился с тем, что у НКТ должны быть две основных функции: одной должно быть скорейшее улучшение экономического положения её членов, другой – долгосрочная цель «революционной экспроприации буржуазии»²⁴.

В течение всего обсуждения подчёркивалось, что новая Конфедерация должна строиться на федеративной основе, чтобы каждая входящая в неё организация сохраняла высокую степень автономии. Этому принципа в целом придерживались до Гражданской войны, когда, в злоключениях последней части конфликта, его скорее систематически нарушали, чем применяли на практике.

Одним из постулатов конгресса 1910 года, от которого НКТ впоследствии отказалась, была её ориентация на узкопрофессиональные союзы. На национальной конференции в Сантсе в июне 1918 г. организация высказалась в пользу отраслевых союзов – так называемых единых синдикатов, куда на общих основаниях входили квалифицированные и неквалифицированные рабочие, хотя внутри такого союза каждая профессия должна была пользоваться автономией, широкой, насколько позволяли обстоятельства²⁵.

История НКТ до Гражданской войны

История НКТ в период между её основанием в 1910 г. и началом Гражданской войны в июле 1936 г. была бурной. С самого начала она была ведущей профессиональной организацией в Каталонии и Арагоне. Она также приобрела значительное влияние в регионе Левант, с центром в Валенсии. В первые годы НКТ была весьма активна среди крестьян, особенно в южной части страны, хотя Роберт Керн утверждает, что при Второй республике (1931–1936) она не уделяла андалусским и другим крестьянским сообществам такого большого внимания, как во время Первой мировой войны и некоторое время после неё²⁶.

Отношения между НКТ и социалистическим ВСТ, в целом, были отмечены соперничеством и противоречиями. Хотя эти две организации сотрудничали во всеобщих стачках в 1916 и 1917 гг. и впоследствии было много случаев сотрудничества между местными союзами двух объединений (особенно в Астурии), чаще имела место скрытая или явная враждебность. Их отношения особенно ухудшились в годы диктатуры Примо де Риверы (1923–1930), когда ВСТ сотрудничал с правительством, а НКТ преследовалась особенно сурово; а также в первые

два с половиной года Второй республики, когда члены НКТ считали, что Франсиско Ларго Кабальеро, глава ВСТ, использует занимаемый им пост министра труда для продвижения своей организации.

Хосе Пейратс отмечал, что астурийская делегация на конгрессе НКТ 1919 г. «вела эпическую битву» за единство НКТ и ВСТ²⁷. Однако астурийцы потерпели неудачу, и в последующие годы члены анархической рабочей организации были не слишком расположены к объединению со своими соперниками социалистами. Только на Сарагосском конгрессе НКТ в мае 1936 г., за два месяца до начала Гражданской войны, был дан призыв к «единству действий» с ВСТ²⁸.

Во время Первой мировой войны НКТ усиливалась, несмотря на притеснения со стороны правительства. Однако в первые послевоенные годы она подверглась особенно жестокому преследованию. Травля была организована стараниями не только сменявших друг друга гражданских и военных губернаторов Каталонии, но и групп работодателей, при поддержке церкви и властей. Ими были организованы «свободные» профсоюзы как потенциальные конкуренты НКТ; кроме того, работодатели наняли значительно число профессиональных преступников для убийства ведущих и рядовых членов анархо-синдикалистских групп. Хосе Пейратс утверждает, что упомянутые свободные профсоюзы возникли из крайне консервативного карлистского движения, которое прежде пользовалось значительной поддержкой в Каталонии, особенно в сельских районах²⁹.

Самой важной фигурой среди анархистов, убитых бандитами-пистолерос работодателями, был Сальвадор Сегí, один из лидеров умеренного крыла НКТ. Его коллега Анхель Пестанья был тяжело ранен. Десятки, если не сотни, не столь заметных активистов погибли от рук наёмных убийц. В это время НКТ и те, кто был с ней связан, отвечали насилием на насилие; самой известной их жертвой стал премьер-министр Эдуардо Дато.

Мануэль Буэнакаса, один из предводителей каталонских анархистов в тот период, описал ситуацию, в которой оказались сэнэтисты сразу после Первой мировой войны. Он пишет: «Лучшие из наших кадров встали перед этой дилеммой: убить или быть убитым, бежать или умереть в тюрьме. Непокорные защищают себя и убивают; стоики погибают как храбрецы, предательски убитые; трусливые и осторожные спасаются и бегут; самые активные, которые не заботятся о том, что с ними станет, томятся в тюремной камере»³⁰.

С установлением диктатуры Примо де Риверы в конце 1923 г. НКТ фактически была уничтожена как общенациональная организация. Многие работники были вынуждены эмигрировать или скрываться в подполье, её газеты по большей части были закрыты, она не могла иметь никакой легальной штаб-квартиры.

В конце концов, когда Национальный комитет, возглавляемый Анхелем Пестаньей, подал в отставку из-за внутренних разногласий с фракцией Хуана Пейро, формально было объявлено о роспуске организации. Однако в действительности некоторое подобие общенационального руководства сохранялось до тех пор, пока политическая обстановка не начала меняться к лучшему в 1929–1930 гг.³¹

По крайней мере часть этого времени руководство НКТ располагалось за пределами Каталонии, где преследование анархистов было особенно свирепым. Например, в 1925 г. новый Национальный комитет, возглавляемый Авелино Гонсалесом Мальядой и состоящий главным образом из жителей Астурии, обосновался в Хихоне³².

Однако в период диктатуры Примо де Риверы произошло одно событие, весьма важное для будущего НКТ. Это было объединение разрозненных групп анархистов на конференции в Валенсии в июле 1927 г., создавшей Федерацию анархистов Иберии. Внимание и деятельность ФАИ в основном должны были сосредотачиваться на профсоюзах НКТ, и влияние ФАИ, как оказалось в первые годы Республики, внесло разлад в Конфедерацию.

После вынужденной отставки генерала Примо де Риверы в январе 1930 г. стало возможно реорганизовать низовые организации Национальной конфедерации труда, возродить её печать и приступить к созданию руководящих органов. Эта работа особенно оживилась после установления Второй республики в апреле 1931 г.

Хотя на выборах в Учредительные кортесы, проведённых вскоре после провозглашения Республики, анархисты по всей стране голосовали за левых кандидатов, в частности за «Левых республиканцев Каталонии», отношения между НКТ и республиканским правительством быстро ухудшались. Группы НКТ, направляемые фаистами, трижды пытались организовать революционные всеобщие стачки и восстания в 1932–1933 гг., и во многих населённых пунктах на короткий промежуток времени провозглашался либертарный коммунизм.

Внутри самой НКТ влияние ФАИ вызвало раскол. 1 сентября 1931 г. тридцать лидеров умеренного крыла НКТ (трейнтисты) выступили с протестом против тенденции ФАИ, подготавливающей «упрощённую революцию», и осудили растущее влияние ФАИ в НКТ. Среди подписавших заявление были Анхель Пестанья, Хуан Пейро и Хуан Лопес, наиболее авторитетный лидер НКТ в Валенсийском регионе³³. В последующие месяцы профсоюзы, поддерживавшие трейнтистов, были исключены или вышли из НКТ. Они объединились под названием «Оппозиционные синдикаты». Этот раскол удалось преодолеть лишь за два месяца до начала Гражданской войны³⁴.

Франк Минц оценивает сравнительную значимость НКТ-ФАИ и «Оппозиционных синдикатов» следующим образом:

“ «Провинции, где НКТ составляла большинство: Корунья и Понтеведра в Галисии; Севилья, Кадис, Малага и Альмерия в Андалусии; Мурсия в Леванте; Херона, Барселона и Таррагона в Каталонии; Уэска и Сарагоса в Арагоне. Центры, где имелось значительное меньшинство, были в Астурии; в Новой Кастилии – Мадрид; в Старой Кастилии – Логроньо; в Стране Басков – Алава; в Каталонии – Лерида; в Арагоне – Теруэль; в Леванте – Кастельон, Валенсия, Альбасете и Аликанте; в Андалусии – Уэльва, Кордова и Гранада. Анархисты не имели никакого влияния, или имели незначительное, в Луго и Оренсе в Галисии; в Хаэне в Андалусии; в провинциях Леон, Эстремадура, Старая Кастилия (кроме Логроньо), Новой Кастилии (кроме Мадрида) и

баскских районах (кроме Алавы). Трейнтизм был широко распространён в Уэльве, Леванте (Валенсия и Аликанте) и Каталонии (среди металлургов Барселоны)»³⁵.

Несмотря на болезненные преследования со стороны сменявших друг друга республиканских правительств, НКТ стремительно расширялась в годы Второй республики. Впервые за всё время она приобрела заметное влияние в профсоюзном движении Мадрида, который всегда был главным оплотом социалистического ВСТ.

На выборах в ноябре 1933 г. НКТ и ФАИ настойчиво призывали своих последователей отказаться от участия в голосовании. Это, несомненно, стало главным фактором победы правых на выборах. Позднее, когда социалисты и каталонские националисты попытались устроить общенациональную забастовку и восстание в ответ на вхождение в правительство крайне правой партии СЭДА, сторонники НКТ не участвовали в этом движении; исключение составляла Астурии, где отношения между НКТ и ВСТ были наиболее близкими и где выступления продолжались дольше всего, пока не были подавлены формированиями марокканцев и Иностранного легиона, одним из командующих которыми был генерал Лопес де Очоа.

На последующих выборах в феврале 1936 г. НКТ и ФАИ воздержались от агитации за неучастие, в результате чего левые, теперь организованные в Народный фронт, вновь одержали победу³⁶. Самым злободневным вопросом на этих выборах была амнистия для всех политических и профсоюзных заключённых, арестованных со времени прихода к власти правого правительства, многие из которых были членами НКТ и/или ФАИ.

Последним важным событием в истории НКТ в период перед началом Гражданской войны стал её конгресс в Сарагосе в мае 1936 г. Он не только воссоединил НКТ и «Оппозиционные синдикаты», но также утвердил подробное описание того либертарного общества, которое стремилась создать НКТ и некоторые из особенностей которого мы отметили выше³⁷.

Структура и функционирование НКТ

На момент начала Гражданской войны Национальная конфедерация труда имела уже устоявшуюся структуру. В её основе лежал местный единый синдикат (*sindicato único*), или отраслевой профсоюз, либо, в сельской местности, синдикат разных профессий (*sindicato de oficios varios*). В более или менее крупных городах синдикаты формировали местную федерацию. Выше неё стоял провинциальный комитет, и вся страна была разделена на семь регионов, каждый из которых имел региональный комитет. Наконец, существовал Национальный комитет, состоявший из национального секретаря, освобождённого от основной работы, и неосвобождённых заместителя секретаря и членов, представлявших каждый из семи регионов.

На каждом уровне организации имелся представительный орган. В едином синдикате или синдикате разных профессий это было общее собрание, состоящее из всех членов, имеющих постоянный заработок. На каждом из вышестоящих уровней время от времени проводились

конгрессы, правом представительства на которых пользовался каждый единый синдикат, входящий в местную, провинциальную, региональную или национальную организацию. Кроме того, на разных уровнях устраивались пленумы, которые имели меньшую численность и проводились чаще, чем конгрессы, и на которых местные единые синдикаты были представлены косвенно, а не прямо. Национальные пленумы проходили по крайней мере один раз в три месяца³⁸.

Наконец, существовали национальные федерации. Проект создания этих организаций, объединяющих все единые синдикаты определённой отрасли, был отклонён НКТ в 1918 г., но принят её конгрессом 1931 г., первым после установления Республики³⁹. Роберт Керн отмечает, что их «задачи включали в себя выработку политики по заработной плате для разных отраслей, планирование всеобщей стачки, изучение условий труда, переговоры с работодателями на общеотраслевом уровне и проведение общих социально-экономических исследований»⁴⁰.

Однако, несмотря на решение конгресса 1931 г. о создании национальных отраслевых союзов НКТ, группа, контролировавшая организацию большую часть времени до начала Гражданской войны, фактически неодобрительно относилась к подобным организациям. В итоге к началу войны были образованы лишь несколько национальных отраслевых федераций. Это обстоятельство стало главным препятствием для анархистов, пытавшихся реорганизовать национальную экономику на анархо-синдикалистских принципах во время конфликта.

Как анархисты, испанские либертарианцы отвергали идею власти даже внутри их собственных организаций. Они ясно дали понять это ещё в 1882 г. на Севильском конгрессе Испанской региональной федерации Международного товарищества рабочих, одного из предшественников НКТ. В принятом манифесте конгресс декларировал, что федеральная комиссия

“ «не является властью или авторитетом, которому подчинена наша организация; она не имеет никаких средств или регулирующих прав для этого; она представляет собой всего лишь центр статистики, орган связи между организациями... с чисто административными функциями, ограниченными и определёнными нашим Уставом. Это не правительство и не направляющая сила, которую мы, как анархисты, не можем позволить в своей среде...

Ни в секционных комитетах, ни в советах местных федераций и союзов разных профессий, ни на наших собраниях и конгрессах не известно и не практикуется постоянное председательство. Мы не стали бы участвовать в подобных органах. Когда мы встречаемся на собраниях для обсуждения... мы уполномочиваем товарища направлять дискуссию в рамках правил, согласованных нами самими... каковую роль он оставляет, как только, в завершение своих обязанностей, закрывает заседание»⁴¹.

До начала Гражданской войны Национальная конфедерация труда и связанные с ней группы действовали в основном в той же манере, которая была описана в 1882 г. С её отрицанием власти, НКТ перед Гражданской войной настаивала на автономии каждой составной части организации, предоставляя ей вести себя так, как она пожелает. Хосе Пейратс отмечал: «Почти неограниченная автономия позволяла синдикатам вступать в трудноразрешимые конфликты, что влекло за собой проблему вынужденной солидарности после свершившегося факта, и поражения, вызванные подобной горячностью и недостатком предусмотрительности, серьёзно подрывали престиж организации»⁴².

Манера, в которой НКТ проводила свои заседания, особенно на конгрессах и пленумах, отражала это анархическое отрицание власти. Хотя я был слишком молод, чтобы присутствовать на каком-либо из подобных заседаний в Испании до 1939 г., мне выпала возможность посетить конгресс радикальной фракции НКТ в эмиграции, проходивший в Лиможе, Франция, в августе 1960 г. Выдержки из моих записей по тому конгрессу могут передать рабочую атмосферу НКТ, типичную как для эмиграции, так и для самой Испании в прежние времена:

“ «Акцент делался на “демократии” в крайней форме. Дебаты никогда не прерывались, и пока был хотя бы один делегат, желавший высказаться по текущему вопросу, трибуна была открыта для него или неё – присутствовало около полудюжины делегатов-женщин. На удивление, при этом произносилось мало длинных речей. Очень немногие пользовались ситуацией, чтобы вести пространные рассуждения, и у большинства выступавших было что сказать.

Акцент также делался на анонимности. Делегаты практически никогда не назывались по имени, а вместо этого “делегация из такого-то места”. Однажды какой-то делегат упомянул Федерику Монсень лично, и сразу раздались крики: “Никаких Монсень!”, “Делегация из ...!”. Кроме того, при избрании лиц, исполнявших обязанности на разных заседаниях, всегда выдвигалась делегация, а не человек в делегации.

Все делегаты, кажется, были проинформированы о пунктах повестки. Сама повестка составлялась генеральным секретарём, обращавшимся к каждой местной группе за предложениями. Все внесённые таким образом предложения полагалось включить в повестку, которая рассылалась местным группам задолго до начала заседаний, чтобы они могли выработать свою позицию по разным обсуждаемым вопросам...

С этой страстью к анонимности, ощущалась нехватка аплодисментов. Хотя порой случались довольно жаркие баталии, лишь однажды раздались аплодисменты, когда один делегат заметил, что много времени было потрачено впустую – с чем нельзя было поспорить. Вскоре после этого, когда заседание закончилось, кто-то из делегатов встал и задал риторический

вопрос, аплодировали ли когда-нибудь прежде в истории конгрессов НКТ. На это был единодушный ответ: “Нет!”...

Несколько слов о том, как проводился съезд. Все делегации, которые хотели выступить по данному вопросу, должны были назвать себя. Далее разные делегации выступали согласно списку – но это не препятствовало другим попросить слова позже, если они так хотели. Когда проводились выборы в комитеты и в президиум заседания, сначала просили назвать все делегации, которые хотели выдвинуть другую делегацию. Когда их больше не оставалось, каждую делегацию просили объявить, кого она решила выбрать. Затем [избранных] спрашивали о согласии или отказе. Несколько раз было столько самоотводов, что всю процедуру приходилось начинать сначала. Однажды, чтобы выйти из положения, одна делегация выдвинула сама себя, поскольку была готова принять должность...»⁴³

Анархические группы единомышленников

Задолго до создания НКТ среди испанских анархистов существовали «особые группы» (*grupos específicos*) и «группы единомышленников» (*grupos de afinidad*). Это были относительно небольшие группы активистов, обычно состоявшие из друзей, которых объединяла не только приверженность анархическим идеям, но и согласие по вопросам стратегии и тактики и которые не обязательно жили в одной местности.

Группы единомышленников, или группитос, появились в 1880-е гг., когда они были одними из самых горячих поборников анархо-коммунистической тенденции в испанском анархизме. Джордж Эзенвейн говорит о них:

“ «Группитос представляли собой не что иное, как маленькие кружки ревностных радикалов, числом от пяти до десяти участников. Их обычными мероприятиями были сходки-тертульи, которые, как правило, собирались в одном из многочисленных кафе, встречавшихся в каждом рабочем квартале. Там рабочие, входившие в группу, встречались, чтобы обсудить политику, услышать последние новости – что было особенно важно для тех, кто был неграмотен, – или спланировать очередной акт возмездия против буржуазии... Открыто отвергая коллективистское наследие ИРФ и ФТИР, которые связывали своих членов формальными обязательствами, анархо-коммунисты утверждали, что каждой группе достаточно самой решать, что делать... Они отдавали предпочтение насильственным революционным актам, считая, что наиболее неотложной задачей является подрыв капиталистической системы»⁴⁴.

После образования Национальной конфедерации труда группы единомышленников не имели с ней никакой органической связи. Однако самые важные участники этих групп обычно работали в профсоюзах, входивших в НКТ.

У групп единомышленников было иное толкование прямого действия, чем у НКТ. Для них оно означало не только недопущение какого-либо вмешательства государства в отношения между работниками и администрацией, но и преднамеренное использование насилия. Оно могло принимать много форм: ограбление банков для финансирования революционной и даже профсоюзной деятельности; убийство особенно ненавистных работодателей или чиновников и церковных иерархов, ассоциировавшихся с реакцией; попытки вооружённых восстаний с целью установить либертарный коммунизм, если не по всей стране, то, по крайней мере на время, в том или другом населённом пункте.

Самой известной из этих групп в период, предшествовавший Гражданской войне, были «Солидарные» (Los Solidarios), созданные в начале 1920-х Франсиско Аскасо, Буэнавентурой Дуррути, Хуаном Гарсией Оливером, Мигелем Гарсией Виванкосом, Альфонсо Мигелем, Рикардо Сансом, Аурелио Эрнандесом и другими. Они участвовали в терроре и контртерроре накануне установления диктатуры Примо де Риверы. Однако под давлением нового режима «Солидарные» распались. Большинство из них уехали за границу, и Аскасо с Дуррути провели немало времени не только во Франции и Бельгии, но и в разных частях Латинской Америки. Рикардо Санс оказался фактически единственным участником группы, который смог остаться в Барселоне.

«Солидарные» не присоединились к Федерации анархистов Иберии сразу же после того, как она была образована. Они воспринимали лидеров ФАИ Диего Абада де Сантильяна (псевдоним Синесио Гарсии Фернандеса), Федерику Монсень и Фиделя Миро как радикальных либералов. Однако, когда после падения диктатуры Примо де Риверы снова стало возможно проводить митинги, они появлялись на трибунах вместе с ораторами ФАИ. Наконец, в 1933 г., обнаружив, что новая группа единомышленников присвоила себе их имя, они переименовали свою группу в «Мы» (Nosotros) и вступили в ФАИ.

Члены группы «Солидарные» – «Мы» приобрели репутацию робингудов за те полтора десятилетия, которые предшествовали Гражданской войне. В начале 1920-х они заявили о себе в таких операциях, как ограбление курьера Банка Бильбао, принёсшее им 300 000 песет, и убийство кардинала-архиепископа Сарагосы – Хуана Сольдевиллы Ромеро, особенно реакционного церковника. Буэнавентура Дуррути был участником и того, и другого.

С падением диктатуры Примо де Риверы, за которым вскоре последовало установление Второй республики, группа «Мы» перестала участвовать в индивидуальном терроре. Вместо этого она оказалась в центре различных попыток организации анархических восстаний, особенно в 1932–1933 гг. В то время группа, согласно Хуану Гарсии Оливеру, придерживалась точки зрения, что революции нужны «университеты» и, даже если отдельное выступление потерпит неудачу, его участники, как и анархо-синдикалистское движение в целом, приобретут ценный опыт, который потребуется для грядущего последнего восстания⁴⁵. Хосе Пейратс описывал группу «Мы» как представительницу «революционного романтизма»⁴⁶.

Вхождение группы «Мы» в состав ФАИ ни в коем случае нельзя было считать окончательным. Гомес Касас отмечает, что группа «никогда не была активна в ФАИ, предпочитая участвовать в подпольной работе НКТ, наряду с другими боевыми группами»⁴⁷. Далее он говорит по поводу анархического восстания в январе 1933 г.:

“ «Центральной силой этого революционного выступления, согласно Хуану Мануэлю Молине и Абаду де Сантильяну, была группа “Мы”. Однако более корректно было бы связать его с анархическим сектором НКТ, который временами отождествлял себя с ФАИ, а иногда действовал как своего рода сверх-ФАИ. Пейратс говорит нам, что в то время он представлял местную федерацию ФАИ в Барселоне и что Молина был секретарём Полуостровного комитета: “Когда я говорю, что существовала другая ФАИ, стоявшая над организацией, которую мы официально представляли, я имею в виду Аскасо, Дуррути и в особенности Гарсию Оливера, настоящего Робеспьера революции...”»⁴⁸

Некоторые анархические лидеры были весьма критически настроены по отношению к группам единомышленников. Одним из них был Хуан Пейро, несколько раз избиравшийся национальным секретарём НКТ и в 1936–1937 гг. занимавший министерский пост в правительстве Франсиско Ларго Кабальеро.

Пейро писал, что в идеале этим группам полагалось быть «местом исследования. Самые наболевшие этические, экономические, политические и социальные проблемы должны быть рассмотрены и подвергнуты анализу, который приведёт нас к глубокому пониманию анализируемого. Так мы сможем достичь настолько истинного и точного суждения, насколько возможно, чтобы конечный результат исследования оказался настолько благотворным для дела человеческого освобождения, насколько возможно»⁴⁹.

Однако, по мнению Пейро, анархические группы единомышленников выполняли не ту роль, которая им отводилась:

“ «Вообще говоря, особые группы нашего времени... стали больше похожи на тайные революционные клубы, чем на классные комнаты, где взращивается знание. Мы сказали бы, что в них нет ничего общего со школами, но зато много ограниченности и незрелости... Современные анархические группы – не что иное, как образчики торжественной наивности, которые ничего не решают и ничего решить не могут. Не отрицая благие намерения и самоотречение членов этих организаций, мы вынуждены заявить, что большинство из них не имеют представления об общих идеях анархизма и миссии анархистов...»⁵⁰

Попытки объединить “особые группы” анархистов на региональном или национальном уровне предпринимались и до создания Федерации анархистов Иберии. Национальные конференции анархистов проводились в Барселоне в 1918 г. и в Сарагосе в 1921 г.⁵¹ В конце концов, в апреле 1923 г. была образована Национальная федерация анархических

групп52. За границей, во Франции, в июне 1925 г. была создана Федерация испаноязычных анархических групп. В Каталонии действовал Региональный комитет анархических групп, и его пленум заложил основу для проведения учредительного конгресса ФАИ53.

Федерация анархистов Иберии

Большинство разрозненных анархических групп единомышленников были объединены в Федерацию анархистов Иберии (ФАИ) в 1927 г. На конференции в окрестностях Валенсии, которая дала начало организации, по сообщениям, присутствовало около 50 делегатов (в том числе двое из Португалии).

Роберт Керн замечает по поводу этого учредительного съезда:

“ «На конференцию не приехал ни один эмигрант. В результате большинство делегатов оказались малоизвестными сельскими жителями из Арагона, Валенсии и Каталонии. Более интеллектуальные, городские и беспокойные анархисты оставались в эмиграции, тюрьме или подполье. Это с самого начала сделало ФАИ организацией с удивительно глубокими корнями в местном обществе»54.

Хуан Гомес Касас перечисляет группы, представленные на Валенсийской конференции. Присутствовали делегаты из Леванта, Андалусии, Каталонии, Аликанте, от Португальского анархического союза, а также от региональных организаций НКТ в Каталонии и Леванте. Координационный секретариат Национальной федерации анархических групп также был представлен55.

Основными ячейками ФАИ продолжали оставаться группы единомышленников. В правление Примо де Риверы Федерация и входившие в её состав организации находились в глубоком подполье. Но позднее, с возрождением НКТ, в которой фаисты стали играть весьма активную роль, ФАИ начала расти, а также меняться.

В период между отставкой Примо де Риверы и началом Гражданской войны ФАИ провела только два общенациональных форума. Речь идёт о пленумах в октябре 1933 г. и январе – феврале 1936 г. Последний получил особенную известность благодаря своему предсказанию военного мятежа и указаниям для членов ФАИ и НКТ, как вести себя при таком повороте событий56. НКТ приняла аналогичную резолюцию в день выборов, 16 февраля 1936 г.57.

Относительно численности ФАИ в довоенный период Джеральд Бренан отмечает: «Поскольку ФАИ была тайной организацией, никакие сведения о её численности не обнародовались. Однако можно предполагать, что с 1934 по 1936 г. количество её членов было около 10 000»58. Хосе Пейратс, с другой стороны, оценивал численность ФАИ на начало войны в 30 000 человек59. Однако Хуан Гомес Касас пришёл к выводу, что в феврале 1936 г. в ФАИ насчитывалось менее 5 000 членов60.

После 1930 г. руководство ФАИ изменилось. Журналисты, вроде Федерики Монсень и Диего Абада де Сантьяна, и профсоюзные активисты НКТ, какими стали члены группы «Мы», сделались ключевыми фигурами организации. Как мы отмечали ранее, ФАИ вскоре приобрела преобладающее влияние в НКТ. Хотя фаисты присутствовали на конгрессе НКТ 1931 г. только как делегаты с совещательным голосом, их влияние привело к расколу в конце 1931 г., и «Оппозиционные синдикаты» вернулись в состав НКТ лишь в мае 1936 г.

В 1930 г. Хуан Мануэль Молина, вернувшийся из-за границы, стал секретарём Полуостровного комитета ФАИ и оставался на этом посту в течение нескольких лет⁶¹. Затем, в 1935 г., обязанности Полуостровного комитета были возложены на группу «Нерв» (Nervio) в Барселоне. Она включала в себя Диего Абада де Сантьяна, Педро Херреру, Ильдефонсо Гонсалеса, Жерминаля де Созу, Фиделя Миро и других. Хуан Молина стал редактором газеты ФАИ «Земля и свобода» (Tierra y Libertad)⁶².

Когда вспыхнула Гражданская война, расхождения во мнениях, которые могли существовать между лидерами НКТ и ФАИ, были не очевидны, по крайней мере в первый год конфликта. Плакаты, граффити и знамёна, на которых было выведено «НКТ-ФАИ», были видны повсюду в лоялистской Испании. Однако существование ФАИ давало анархо-синдикалистам право на двойное представительство, от имени НКТ и ФАИ, в Центральном совете милиции, правительстве Каталонии и других многочисленных официальных или полуофициальных органах, созданных в первые месяцы войны.

Хуан Гомес Касас отмечает бесспорную идентичность НКТ и ФАИ в этот период: «...Люди обратили двойное название НКТ-ФАИ в миф. Долгое время они воспринимались просто как две стороны одной неразделимой сущности... Это взаимное отождествление двух организаций привело к размыванию их различий...»⁶³

Хосе Пейратс пишет, что сразу после 19 июля Полуостровной комитет ФАИ реорганизовали, «укрепив его выдающимися борцами»⁶⁴.

Конечно, в первые месяцы Гражданской войны численность ФАИ резко возросла. В своём циркуляре № 3, изданном 25 октября 1936 г., Полуостровной комитет ФАИ отмечал, что из-за своей роли в управлении экономикой «синдикаты, превратившиеся, с политической точки зрения, в гибридные организмы... не могут расширить свою деятельность за рамки той профессиональной функции, которая им предназначена. И поэтому необходим двигатель, производящий невероятное количество энергии, чтобы продвигать их вперёд... Этим двигателем не может быть ничто иное, кроме особой организации, то есть ФАИ. Поэтому ФАИ должна быстро расти». Циркуляр гласил: «Мы должны искать товарищей, способных жить безымянной жизнью... Профсоюзная организация может служить неистощимым источником боевых кадров...»⁶⁵

«Земля и свобода» в номере от 17 июля 1937 г. гордо заявляла: «Наша организация насчитывает более 164 000 членов... В ФАИ работник – не просто работник, потому что каждый из её участников – анархист, иначе говоря, боец»⁶⁶.

Однако после смещения правительства Франсиско Ларго Кабальеро, куда входили четыре министра от НКТ-ФАИ, положение ФАИ, как партнёра НКТ в официальных и полуофициальных органах, стало выглядеть шатким. Эта угроза вызвала коренные изменения в структуре и организации ФАИ.

Хосе Пейратс отмечал:

“ «Министр [Мануэль] Ирухо, исключив её из народных судов, первым обратил внимание на юридическую аномалию, которую представляла собой ФАИ как организация, не регулируемая законом, но тем не менее участвующая в работе государственных органов». Как заметил Пейратс, марксистские партии также имели двойное представительство благодаря профсоюзам ВСТ. Однако «присутствие ФАИ наряду с НКТ скорее воспринималось как факт, навязанный вначале и терпимый впоследствии. Но по мере развития событий, если бы критерий министра юстиции, который, без сомнения, одновременно был критерием правительства, применялся в дальнейшем, ФАИ могла быть шаг за шагом устранена из представительных органов и объявлена “подпольной” или несуществующей организацией»⁶⁷.

Ещё за несколько месяцев до наступления на неё Мануэля Ирухо ФАИ начала чувствовать потребность в изменении формы своей организации. Циркуляр № 3, говоря о стремительном росте ФАИ после 19 июля, предостерегал, что структура, основанная на группах единомышленников, оставляет её открытой для проникновения нежелательных элементов, и предлагал: «Мы должны обновить существующие формы нашей организации»⁶⁸.

После падения правительства Ларго Кабальеро это изменение структуры ФАИ стало безотлагательной задачей. Пейратс комментировал: «Обстоятельства, таким образом, заставляли ФАИ либо трансформироваться в своего рода политическую партию, заранее приняв все последствия этого, либо уступить часть позиций, приобретённых благодаря её революционным заслугам»⁶⁹.

Решение было вынесено на пленуме ФАИ в Валенсии 4–7 июля 1937 г. Важнейшая резолюция, принятая им, гласила: «Группы единомышленников на протяжении пятидесяти с лишним лет были самым эффективным органом пропаганды, анархической взаимосвязи и практики. При новой организации, принятой ФАИ, органическая миссия групп единомышленников будет прекращена»⁷⁰. Этой резолюцией был утверждён устав реорганизованной ФАИ. Сесар Лоренсо решительно утверждает, что до тех пор ФАИ не имела никакого официального устава⁷¹.

Резолюция устанавливала организационную структуру, которая начиналась с базовой группы в небольшом населённом пункте или городском районе; далее шли местные федерации этих базовых групп, провинциальные федерации, «пока сохраняется существующее политическое деление», региональные федерации и, наконец, Федерация анархистов Иберии, «которая охватывает все естественные географические регионы Пиренейского полуострова».

Каждой местной группе было предписано создать комитет по членству, вновь вступающие должны были иметь рекомендацию двух членов, и требовалось определённое время, чтобы подтвердить политическую благонадёжность кандидатов. В то же время все, кто состоял в ФАИ на момент июльского пленума, объявлялись её полноправными членами, а все, кто «вёл борьбу в профсоюзах и др. организациях, связанных с анархизмом» до 1936 г., могли стать таковыми по заявлению. Все прочие кандидаты в члены должны были ждать шесть месяцев после вступления, прежде чем они смогут занимать посты в ФАИ или по назначению ФАИ⁷².

Эта реорганизация ФАИ была принята не без сопротивления в её рядах, особенно в Каталонии. Одним из тех, кто наиболее резко выступал против этого, был Хосе Пейратс, лидер «Либертарной молодёжи» в Лериде и также член ФАИ. Когда новый порядок был принят, Пейратс выбыл из дальнейшей деятельности в ФАИ⁷³.

Хотя барселонский и каталонский пленумы ФАИ, следуя валенсийским решениям, одобрили реорганизацию большинством голосов, каталонский пленум в начале августа (столкнувшись при обсуждении этого вопроса с угрозой раскола) позволил группам единомышленников при желании продолжать свою работу, но с условием, что на пленумах и конгрессах они будут представлены пропорционально общей численности своих членов⁷⁴.

После смещения правительства Ларго Кабальеро пути ФАИ и НКТ стали расходиться. Как мы увидим в другой части книги, ФАИ начала подвергать всё более острой критике правительство Хуана Негрина и особенно – усиливавшуюся соглашательскую тенденцию руководства НКТ, которое сотрудничало с этим режимом, жертвуя своими основными принципами.

Возможно, вследствие того, что она долгое время была тайной организацией, а также потому, что она определённо являлась политической группой, ФАИ на протяжении Гражданской войны и после неё была излюбленной мишенью врагов либертарного движения, в особенности сталинистов. При том что коммунистам могло быть неудобно открыто нападать на НКТ, которая всё же была массовой профсоюзной организацией, они не чувствовали такого стеснения в отношении ФАИ.

Вероятно, можно считать типичными комментарии в той, своего рода канонической, истории Гражданской войны, которая была издана коммунистами спустя 30 лет после начала конфликта: «В этой ситуации было трудно препятствовать появлению деклассированных элементов, включая обычных уголовников, которые успешно проникали в антифашистские организации, прежде всего в ФАИ...»⁷⁵ «В Каталонии и Арагоне фаисты задерживали восстановление антифашистского порядка»⁷⁶.

«Либертарная молодёжь»

Молодёжным крылом испанского либертарного движения была Иберийская федерация либертарной молодёжи (ФИХЛ), созданная в 1932 г.⁷⁷ В декларации принципов, принятой её учредительным конгрессом, было заявлено: «Эта группа будет бороться против собственности, принципа власти, государства, политики и религии»⁷⁸.

По наблюдению Хуана Гарсии Оливера, ФИХЛ «в своей работе не контролировалась НКТ или ФАИ. Скорее, сама “Молодёжь” участвовала в жизни профсоюзов и особых организаций, избирая постоянных делегатов в региональные, национальный и полуостровной комитеты. НКТ и ФАИ не могли принять решение, не проинформировав представителя “Молодёжи” и не получив его согласия»⁷⁹.

Хотя «Либертарная молодёжь», как и ФАИ, была политической, а не профессиональной организацией, её организация отличалась от той, что была у ФАИ до июля 1937 г. Её основными организациями были более или менее крупные районные группы, существовавшие в каждой из частей Барселоны и в других городах, где она вела работу. Группа в Барселоне, к которой относился Фидель Миро, наиболее видный представитель ФИХЛ во время войны, насчитывала несколько сотен членов⁸⁰. Накануне Гражданской войны Иберийская федерация либертарной молодёжи имела свой официальный орган в Мадриде – газету «Свободная молодёжь» (Juventud Libre). Позднее, в октябре 1936 г., каталонское отделение стало издавать ещё одну газету, под названием «Путь» (Ruta)⁸¹.

Хосе Пейратс, лично возглавлявший «Либертарную молодёжь» Каталонии во время Гражданской войны, писал:

“ «Почти при самом своём рождении “Либертарная молодёжь” показала две тенденции. Среди молодых либертариюв Каталонии преобладало настроение не в пользу национальной федерации. Эти юноши мыслили “Молодёжь” как составную часть синдикатов и анархических федераций. Они понимали свою миссию как ограниченную задачами культуры и пропаганды, образования и самообразования, стремясь, таким образом, воплотить в жизнь то, что не смогли бы осуществить группы и синдикаты, охваченные пылом экономической и революционной борьбы.

В среде самих анархистов и конфедератов идея национальной федерации такого рода, имеющей собственную независимую организацию, не только была воспринята как опасный уклонизм, но и воскресила давнюю полемику о неудобстве разделения активистов на старших и молодых, полемику, которая действительно вызвала противостояние между представителями двух поколений, а вместе с ним взаимную зависть и раздражение»⁸².

Вследствие этих разногласий вступление каталонских молодёжных групп в Иберийскую федерацию либертарной молодёжи состоялось лишь после начала Гражданской войны. Конгресс в Барселоне 1 ноября 1936 г. обсудил «предложение, сделанное “Либертарной молодёжи Каталонии”... о присоединении её к ФИХЛ» и принял резолюцию следующего содержания: «В ответ на предложение ФИХЛ конгресс единогласно решил войти в её состав, сохранив при этом полную автономию Каталонской региональной группы и оставив за ней право поддерживать отношения с ФАИ»⁸³.

До начала Гражданской войны «Либертарная молодёжь» оставалась сравнительно малочисленной. Однако, как и все остальные сегменты либертарного движения, она быстро стала расти с началом конфликта. Фидель Миро в мае 1937 г. утверждал, что организация уже имеет «около 170 000 членов»⁸⁴.

«Либертарная молодёжь» играла важную роль и в революции, и в гражданской войне. В первые месяцы войны, когда лоялистские силы состояли почти исключительно из добровольцев, она особенно активно пополняла колонны милиции⁸⁵. Одна из этих колонн, «Орлята» (Los Aguiluchos), была организована каталонской ЛМ самостоятельно. Вначале этим соединением командовал Хуан Гарсия Оливер, но вскоре оно перешло под начало Грегорио Ховера, другого члена группы «Мы»⁸⁶.

Как в тылу, так и в анархических войсках ФИХЛ вела масштабную пропагандистскую работу, устраивая курсы, собрания и конференции по широкому кругу вопросов. Она также проводила кампанию под лозунгом «Оружие фронту!» в то время, когда вооружённые до зубов отряды военизированной полиции, по большей части контролируемые коммунистами, оставались в арьергарде, а боевые части, особенно на Арагонском фронте, испытывали нехватку оружия и боеприпасов.

«Либертарная молодёжь» стала играть особенно заметную роль после краха Арагонского фронта в начале 1938 г., сопровождавшегося массированными бомбардировками Барселоны. В Каталонии и, в частности, в Барселоне началась паника, затронувшая не только правительство, но и НКТ. Лидеры пропускали собрания, прятались, паковали чемоданы. Рядовые граждане искали убежища, посчитав самым безопасным местом метрополитен.

В этот момент «Либертарная молодёжь», не советуясь с другими анархическими группами, выпустила обращение к населению, где призывала людей вернуться в свои дома и на рабочие места, говоря, что опасность не так велика, как они думают, и что, в любом случае, жизнь в городе должна продолжаться. Молодёжные группы спускались в метро и уговаривали людей вернуться домой. Однажды ночью они исписали стены и улицы Барселоны незамысловатыми лозунгами, осуждавшими тех, кто оставил работу, как предателей. Наконец, были организованы летучие отряды, которые шли на предприятия, закрывшие свои двери, заставляли впустить их и говорили ответственным, что, если они не откроются на следующий день, последуют репрессивные меры. Во многом благодаря этим действиям удалось до некоторой степени нормализовать ситуацию в каталонской (а в то время и республиканской) столице⁸⁷.

Во время войны было проведено по меньшей мере два общенациональных форума «Либертарной молодёжи». Первым из них был национальный пленум в июле 1937 г. Он собрал представителей от всех региональных организаций, кроме Эстремадуры и Севера, чьи делегаты не смогли присутствовать из-за боевых действий. Был официально утверждён новый Полуостровной комитет ФИХЛ во главе с Фиделем Миро⁸⁸. Фактически Миро исполнял обязанности генерального секретаря с марта 1937 г., когда его предшественник исчез при загадочных обстоятельствах⁸⁹.

Другим национальным форумом стал II конгресс ФИХЛ, проведённый в феврале 1938 г., на котором были представлены делегации из регионов Центра, Юга, Леванта, Арагона и Каталонии, а также бойцы из разных воинских частей, контролируемых анархистами. Долгую дискуссию вызвала оппозиция значительной части каталонской молодёжной организации по отношению к созданию централизованного Национального либертарного

движения, включавшего НКТ, ФАИ и ФИХЛ. Конгресс также избрал новое общенациональное руководство во главе с Лоренсо Иньиго из Мадрида⁹⁰.

«Либертарная молодёжь» сыграла важную роль в майских событиях 1937 г.: когда барселонские анархисты и поумисты оказали вооружённое сопротивление коммунистической агрессии, молодёжные активисты заняли большинство баррикад, воздвигнутых по всему городу. Однако в итоге они повиновались директивам лидеров НКТ и ФАИ и сложили оружие⁹¹.

ФИХЛ за время войны заключила несколько союзов с другими молодёжными группами. Первым из них стал пакт с молодёжной организацией Объединённой социалистической партии Каталонии в ноябре 1936 г. Он предусматривал создание координационного комитета «в качестве первого шага к установлению тесного сотрудничества всей антифашистской и революционной молодёжи...» От «Либертарной молодёжи» соглашение подписали Альфредо Мартинес, Фидель Миро и Хуан Баутиста Асо⁹².

В феврале 1937 г. в Каталонии, поскольку трения между анархистами и сталинистами из ОСПК нарастали, ФИХЛ объединилась с молодёжной группой антисталинской Рабочей партии марксистского единства и несколькими другими организациями, образовав Фронт революционной молодёжи. Он провёл несколько многоядных митингов в Каталонии, самый известный из которых состоялся 14 февраля в Барселоне, где выступали Фидель Миро и Альфредо Мартитес от ФИХЛ и Вилебальдо Солано от поумистской молодёжи⁹³.

Это событие ускорило открытый разрыв между либертарной и сталинистской молодёжью в Каталонии. Хотя молодёжные активисты ОСПК были приглашены на митинг, они отказались – из-за участия «троцкистской» организации ПОУМ. (По замечанию Хосе Пейратса, для сталинистов «все неортодоксальные коммунисты были троцкистами»⁹⁴.)

После подавления ПОУМ «Либертарную молодёжь» начали усиленно втягивать в другой союз, на сей раз с «Объединённой социалистической молодёжью» (ОСМ), связанной с Коминтерном. Приблизительно в конце 1937 г. был образован АХА – Молодёжный антифашистский альянс (Alianza Juvenil Antifascista). Гарсия Оливер описывает его состав следующим образом: «Иберийская федерация либертарной молодёжи, “Объединённая социалистическая молодёжь” (коммунисты), “Левая республиканская молодёжь” (прокоммунистическая), “Синдикалистская молодёжь” (несуществующая), “Федералистская молодёжь” (несуществующая), Федеральный союз испанских учащихся (с прокоммунистическим руководством)»⁹⁵. Фидель Миро утверждал, что АХА не проявил себя почти ничем, кроме проведения серии митингов в разных городах лоялистской Испании⁹⁶.

После утверждения правительства Негрина в мае 1937 г. крупной организационной проблемой для «Либертарной молодёжи» стало освобождение от призыва тех, кто вёл работу в организации. Как вспоминал спустя много лет один из лидеров ФИХЛ военного периода, хотя «Объединённая социалистическая молодёжь» добилась такого освобождения для всех, от своего председателя до швейцара в своей штаб-квартире, правительство отказалось признать подобное право за лидерами ФИХЛ. Как следствие, в конце войны большинство ответственных работников Федерации либертарной молодёжи относились к

одной из трёх категорий: негодные к службе, инвалиды войны и женщины⁹⁷.

Когда в апреле 1938 г. в Каталонии был создан Исполнительный комитет Либертарного движения, Федерация либертарной молодёжи вошла в его состав, наряду с НКТ и ФАИ. Представителем ФИХЛ в данном органе был Фидель Миро⁹⁸.

Союз свободных женщин

В отличие от НКТ, ФАИ и Федерации либертарной молодёжи, Национальная федерация свободных женщин была образована только после начала Гражданской войны. Кроме того, несмотря на все свои усилия, «Свободные женщины» не смогли достичь равного статуса с другими организациями в испанском либертарном движении.

Движение зародилось вокруг одноимённого журнала, основанного в 1934 г. Люсией Санчес Саорниль, Мерседес Комапосадой и Ампаро Пок. Позднее, вскоре после начала войны, группа анархисток, столкнувшись с враждебным отношением во время своего участия в курсах при Местной федерации синдикатов НКТ в Мадриде, сформировала местную группу, названную «Свободные женщины», и провозгласила своей целью «развивать образование и женскую индивидуальность... чтобы быть способными занимать любую позицию в организации и, таким образом, снять ту печать “Только для мужчин”, которая как будто стоит на ней...» Упомянутой организацией, конечно же, была НКТ. В сентябре 1936 г. Женская культурная группа, имевшая сходные задачи, была создана в Барселоне. К тому времени обе организации, вместе взятые, насчитывали около 500 членов⁹⁹.

Движение быстро распространялась, и его приоритеты менялись в ответ на вызовы войны. Мэри Нэш отмечает, что его целью стало «ориентировать стихийную активность женщин и поднять их социальную сознательность, чтобы они могли понять важность текущего момента для борьбы за социальную революцию». Движение охватило все части лоялистской Испании, и, хотя оценки численности «Свободных женщин» сильно разнятся, Мэри Нэш приходит к выводу, что они, вероятно, вовлекли в свои ряды 20 000 женщин или больше¹⁰⁰. Лола Итурбе принимает их численность равной 38 000¹⁰¹.

В августе 1937 г. в Валенсии прошла первая национальная конференция «Свободных женщин», делегаты на которой представляли Барселону, Херону, Таррагону, Лериду, Гвадалахару, Орче, Ебру, Мондехар, Валенсию, Эльду, Альмерию, Игуаладу, Садурни-де-Нойю, Алькой и Мадрид. Эти делегаты во многих случаях получали дополнительные мандаты от других местных групп, и, по оценке Нэш, фактически на конференции было представлено около 115 групп.

Главными задачами конференции были учреждение Национальной федерации свободных женщин и избрание комитета для подготовки окончательной редакции устава новой организации, который был издан месяц спустя. Устав формулировал цель новой организации следующим образом: «а. Создать сознательные и ответственные женские силы, которые будут действовать как авангард прогресса; б. Создать для этой цели школы, институты, специальные курсы и т.п., чтобы обучить женщину и выволить её из тройного

рабства, в котором она была и до сих пор ещё пребывает: рабства невежества, рабства женского бытия и рабства работницы».

Статья 2 гласила:

“ «Чтобы осуществить эти цели, она [Федерация] будет действовать как политическая организация, разделяющая общие цели НКТ и ФАИ, поскольку её стремление к женской эмансипации имеет ещё более высокую цель – позволить женщинам участвовать в общечеловеческой эмансипации, чтобы с приобретёнными знаниями, усиленными их личными качествами, построить новый социальный порядок»¹⁰².

Лола Итурбе говорит: «Группы “Свободных женщин” создавали общеобразовательные и профессиональные школы во всех населённых пунктах, где они были организованы... “Свободные женщины” содействовали организации сельскохозяйственных коллективов и работали в них с огромным энтузиазмом. Они участвовали в распространении пропагандистских материалов на фронтах боевых действий. Они создали много детских садов. Публикуемые ими работы также имели большое значение»¹⁰³.

«Свободные женщины» выступали за полномасштабное участие женщин в оборонных мероприятиях, прежде всего в тылу. Майский выпуск их периодического издания в 1938 г. представил с этой целью программу из семи пунктов:

“ «1. Приостановка всех строительных работ в городах и использование строительных материалов для возведения укреплений. 2. Приостановка любой деятельности, не связанной с нуждами войны, сельскохозяйственного производства и народного образования. 3. Направление всех способных мужчин в возрасте до 45 лет на фронты. 4. Сведение остальных, в возрасте до 55 лет, в инженерные батальоны, за исключением технических специалистов вооружённых сил и военного производства. 5. Привлечение женщин ко всем видам механизированных работ в военной промышленности и в производстве в целом. 6. Создание детских садов, чтобы предоставить матерям свободу действия. 7. Открытие народных столовых для всех рабочих обоих полов, которые имеют соответствующее удостоверение»¹⁰⁴.

«Свободные женщины» сталкивались с упорным сопротивлением других элементов либертарного движения. Некоторые утверждали, что признание этой организации составляющей частью движения вызовет раскол среди анархистов страны¹⁰⁵.

Особенно сильно «Свободных женщин» критиковала «Либертарная молодёжь». Не подлежит сомнению, что молодые участницы НКТ и ФАИ воспринимали «Свободных женщин» как, главным образом, объединение женщин старшего возраста, с которыми их младшие соратницы имели мало общего¹⁰⁶. Однако, как утверждает Мэри Нэш, «Либертарная молодёжь» очень боялась того, что женские группы могут посягнуть на её аудиторию. В результате, говорит она, ФИХЛ создала женские секретариаты в своих

местных и региональных организациях. Кроме того, она старалась прекратить всякую поддержку Федерации свободных женщин со стороны НКТ107.

«Свободные женщины» добивались, чтобы их организация была принята как четвёртая составная часть либертарного движения. Однако, когда они представили это предложение общему пленуму движения в октябре 1938 г., оно было принято лишь условно и подлежало утверждению на референдуме среди остальных элементов движения108. Нет никаких ясных указаний на то, какими были результаты этого референдума, если он вообще проводился, но на последнем общем форуме движения в феврале 1939 г., после потери Каталонии, «Свободные женщины» по-прежнему жаловались на отсутствие у них официального признания109.

Хотя «Свободные женщины» во время войны подвергались сильному давлению со стороны других политических групп, пытавшихся вовлечь их в АМА – Объединение антифашистских женщин (Agrupación de Mujeres Antifascistas), более широкую женскую организацию, направляемую коммунистами, – они не поддались этому давлению. Но, несмотря на этот факт, некоторые анархистки участвовали в работе групп АМА на местном и региональном уровне110.

В августе 1938 г. АМА всё ещё стремилось заполучить «Свободных женщин» в свои ряды. Но, как отмечает Мэри Нэш: «В этой полемике “Свободные женщины” неизменно подтверждали свою анархическую ориентацию и настаивали на праве каждой организации следовать собственной идеологии без какого-либо вмешательства. Недостаток революционности стал другим поводом отклонить объединение с АМА... АМА была организацией смешанного состава без чёткой тенденции и потому легко манипулируемой...»111

«Международная антифашистская солидарность» Анархисты долгое время имели свои комитеты помощи заключённым (comités de presos), которые оказывали материальную помощь тем из них, кто попал в тюрьму по той или иной причине, а также заботились об их семьях. Эта традиция поддержки тех участников движения, кому посчастливилось меньше всего, в годы войны нашла более широкое выражение в «Международной антифашистской солидарности» (СИА), созданной в июле 1937 г. Её задача заключалась в сборе гуманитарной помощи, которая распространялась как в анархических частях на фронте, так и среди гражданских лиц в тылу лоялистов.

Согласно одному анархическому источнику, в СИА «участвовали многие фигуры из области литературы и политики», как в Испании, так и за рубежом. Были организованы иностранные отделения СИА. Французское отделение включало в свой состав не только анархистов, таких как Себастьян Фор, но и политика-социалиста Марсо Пивера и профсоюзного лидера Леона Жуо. Также были открыты отделения в Соединённых Штатах и Великобритании. Американский филиал, имевший штаб-квартиру в Нью-Йорке и местные группы по крайней мере в девяти штатах, спонсировал поездку испанских анархистов по стране для сбора средств на мероприятия СИА. Британское отделение предоставило не только еду и медикаменты, но также 123 санитарных автомобиля и деньги на сумму 360 000 фунтов112.

Местные анархические организации

В дополнение к пяти общенациональным организациям испанское либертарное движение до и во время Гражданской войны включало в себя многочисленные местные организации, выполнявшие самые разнообразные цели.

Джордж Эзенвейн, говоря об анархическом движении того времени, отмечает, что его деятельность «сосредотачивалась главным образом вокруг широко распространённых социальных институтов рабочего класса, кружков, кафе, клубов, атенеев и рабочих центров, встречавшихся в городских районах-баррио, небольших городах и сельской местности по всей Испании. Работая в этих заведениях, так же как и в своих собственных организациях, анархисты со временем прочно укоренились в рабочей среде»¹¹³.

Эзенвейн также прокомментировал особую роль в городском районе бара, или кафе, значение которого далеко не исчезло с началом Гражданской войны:

“ «Жизненно необходимым компонентом окружения рабочих в испанском обществе конца XIX века было кафе или бар. Это не в последнюю очередь было вызвано беспросветностью домашней жизни, которую приходилось терпеть подавляющему большинству рабочих... Бар или кафе представляли собой самый удобный и, возможно, единственный способ сбежать от этого унылого существования. Утром рабочий зайдёт туда по пути на работу, чтобы съесть свой скудный завтрак... В конце дня он вернётся в таверну выпить вина, побеседовать с друзьями или скоротать вечер, играя в карты, шахматы или шашки»¹¹⁴.

“ «Признавая значение бара и кафе как агентов социализации, анархисты стремились качественно изменить эти заведения, чтобы они соответствовали их ценностям. Так, в анархистском кафе рабочих можно было увидеть не только за игрой, но и занятых самообразованием, читающих книги, периодику и брошюры. Следует отметить, что значительный уровень неграмотности среди рабочих не мешал анархистам использовать кафе в качестве образовательного центра. Напротив, в нём обычно имелся один или несколько сознательных рабочих (*obreros conscientes*), которым полагалось читать свежие анархистские газеты или вести дискуссии на политические и образовательные темы»¹¹⁵.

Именно такие более или менее неформальные анархические центры – как и профсоюзные помещения НКТ – служили точками сбора для рабочих, когда 18 июля 1936 г. начался военный мятеж. Через них быстро распространялись новости о произошедшем, и срочно были мобилизованы бойцы для осады казарм и противостояния мятежной армии на улицах больших и малых городов. Аналогичным образом, в ходе Майских дней 37-го в Каталонии во многом именно благодаря неформальным анархическим центрам рабочие каталонских

городов, через несколько часов после событий на Пласа-де-Каталунья, были мобилизованы для противостояния контролируемой коммунистами полиции и военизированным отрядам Объединённой социалистической партии Каталонии, и баррикады были воздвигнуты в рабочих районах и центральной части Барселоны и других городов. Также на протяжении большей части Гражданской войны через неформальные сети, наряду с профсоюзным аппаратом, рабочие рекрутировались на службу в милиции и строительство укреплений в Мадриде и других местах.

Испанские анархисты и МАТ

И до, и во время Гражданской войны испанский анархизм был частью международного движения. Речь идёт о Международной ассоциации трудящихся (МАТ).

После большевистской революции НКТ весьма симпатизировала режиму, установленному ленинистами. Конгресс 1919 г. под одобрительные возгласы принял резолюцию, гласившую: НКТ «заявляет, что она временно присоединяется к Коммунистическому Интернационалу»¹¹⁶.

Во исполнение этой резолюции, делегация НКТ во главе с Анхелем Пестаньей посетила II конгресс Коминтерна в июле 1920 г. Пестанья «немедленно выступил с возражениями против той роли коммунистической партии в деятельности Третьего Интернационала, на которой сильно настаивал Ленин». Он встретился в Москве со многими европейскими и американскими анархистами, включая Эмму Гольдман, Александра Беркмана и Аугустина Сухи, которые уже разочаровались в большевистском режиме¹¹⁷.

В любом случае, Коминтерн был организацией политических партий, что подразумевало невозможность участия в нём НКТ, как профсоюзного объединения. Но, когда Коминтерн решил создать Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), НКТ также получила приглашение на его учредительный конгресс. На подпольном пленуме НКТ в апреле 1921 г., состоявшемся после убийства национального секретаря Эвелию Боалья и ареста большинства других лидеров-ветеранов организации, было решено делегировать на конгресс Профинтерна исполняющего обязанности секретаря Андреса Нина, Хоакина Маурина, Иларио Арландиса и Хесуса Ибаньеса. Все они оказались убеждёнными сторонниками большевистского режима и Коминтерна¹¹⁸. Анархические особые группы воспользовались своим правом, чтобы включить в состав делегации ещё одного члена – молодого французского анархиста Гастона Леваля. В отличие от четверых сторонников коммунистов, он связался в Москве с российскими и иностранными анархистами и вернулся в Испанию враждебно настроенным к большевизму¹¹⁹.

Решение делегации впоследствии было аннулировано другим пленумом НКТ, и конференция НКТ в Сарагосе в июне 1922 г. вынесла заключение по вопросу интернациональной ориентации. Гарсия Оливер писал: «Относительно вступления в профсоюзный Интернационал в Берлине, то есть Международную ассоциацию трудящихся, было решено согласиться с докладами Национального комитета, Пестаньи, Гастона Леваля. Одобрение было единогласным. Это означает, что мы окончательно порываем с Красным

Интернационалом профсоюзов и присоединяемся к Берлинскому Интернационалу, который будет включать в себя НКТ из Испании, САК из Швеции, ФАУД из Германии»¹²⁰.

К тому времени как разразилась Гражданская война в Испании, МАТ была малочисленной и относительно слабой организацией. Её германская секция была уничтожена нацистами, у аргентинской катастрофически снизилась численность и влияние.

Во время войны МАТ не удалось мобилизовать достаточно сил в помощь своим испанским коллегам, у которых её деятельность вызывала большое раздражение. Иностранные анархисты, как и МАТ непосредственно, весьма критически относились к соглашательской позиции и действиям НКТ-ФАИ. В декабре 1937 г. Хуан Гарсия Оливер и Федерика Монсень отправились на Чрезвычайный конгресс МАТ в Париже, чтобы объяснить и защитить тактику испанских анархистов. Эти противоречия будут подробно разобраны в другом месте книги.

Заключение

К началу Гражданской войны анархизм в Испании имел семидесятипятилетнюю историю и у него было больше последователей, чем у любой другой политической тенденции в стране. Он оставался самым многочисленным, хотя и не самым сильным, народным движением республиканской Испании до конца конфликта.

Разные элементы либертарного, или анархического, движения выполняли разные функции. Национальная конфедерация труда была профсоюзной организацией, она оказалась главным действующим лицом в той социально-экономической революции, которая произошла в начале войны и, угасая, продолжалась до её окончания, а также играла важную политическую роль. Федерация анархистов Иберии, по преимуществу испанская, была политическим крылом анархизма и фактически превратилась в политическую партию за время войны. Иберийская федерация либертарной молодёжи стремилась сплотить широкие молодёжные массы вокруг анархического знамени, она играла важную роль как в военных формированиях анархистов, так и в тылу. Во время войны появились две новые группы, Федерация свободных женщин и «Международная антифашистская солидарность»; первая добивалась статуса равноправного партнёра НКТ-ФАИ-ФИХЛ в либертарном движении, но так и не получила его; вторая являлась специализированной вспомогательной службой для всех элементов движения.

В остальных частях данной книги будут прослежены взаимоотношения этих компонентов испанского анархизма, а также отношения каждого из них и всех вместе с другими силами в тающей Испанской республике, во всех аспектах её жизни, включая военную, экономическую, социальную и политическую сферы, во время Гражданской войны.

Версия #1

Зверобой создал 7 мая 2025 21:10:23

Зверобой обновил 7 мая 2025 21:20:11